

Алиса Чопчик

ИЗГОИ

Алиса Чопчик

Изгои

«Автор»

2017

Чопчик А. И.

Изгои / А. И. Чопчик — «Автор», 2017

Меня зовут Джанан Аббас, и я сирийская беженка. Моя семья не отличалась от сотни тысяч других семей, но война, беспощадно нагрянувшая, превратила наши надежды в химеру. Моя история начинается с бегства, она о том, через что нам пришлось пройти, чтобы добраться до земли обетованной. Моя история о людях, лишившихся крова, родины и уважения. Моя история о погребенном под слоем пепла будущем и развеянных по ветру мечтах.

© Чопчик А. И., 2017

© Автор, 2017

«Интересно, – как будто говорил он сам себе, – что, если, в известном смысле, пословица права, и дверь следует или распахнуть, или держать на замке?»

Жан Распай "Стан избранных"

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не подозревала, что в ближайшие годы посчитаю нужным написать обращение к читателям. Мне казалось это неуместным и бессмысленным занятием: я слишком молода и неопытна и все еще только учусь писать. Что нового я могу сказать читателю, который, наверняка, старше и мудрее меня? И все же, задумав эту идею, и прорабатывая ее, я поняла, что из уважения к людям, которым посвятила повесть, и из уважения к читателям, я должна прояснить пару моментов.

19-летней девушке, ничего не смыслящей в подобной теме, и живущей в далекой Молдове, тяжело знать малейшие детали о судьбе и пути беженцев. Однако это не оправдание, а потому, я заранее хочу извиниться перед более осведомленным читателем, который найдет неточности в сюжете. Я изучила, что могла, чтобы сделать повесть наиболее реалистичной.

Впрочем, хочу уточнить, что если какие-то эпизоды покажутся вам слишком трагичными, неправдоподобными и тому подобное, возможно, вы осудите эпизод, основанный на реальной истории. Жизнь бывает более жестокой и изощренной, чем фантазия автора, которому зачастую приходится описывать событие менее трагичным, каким оно было в реальности.

Я допускаю мысль, что СМИ преувеличивают кризис в Европе, и жизнь беженцев не такая уж невыносимая. Но даже если это и так, и все не настолько страшно и безвыходно, как это хотят показать с телеэкранов, это не сокращает число жертв в Сирии, не отменяет гражданскую войну и не воскрешает погибших.

И если моя повесть на деле совсем не соответствует реальности, она остается художественным произведением (как бы громко это ни звучало).

Я хотела описать, что такое, когда твой дом разрушают, когда твоя родина – персональный рай еще вчера – становится персональным адом сегодня; что такое, когда погибают близкие; когда приходится бросать все, чтобы остаться в живых, и идти туда, где приходится выживать; что такое, когда ты видишь смерть ребенка, и, что еще страшнее, когда ребенок видит смерть другого ребенка. Я хотела описать, каково это быть изгоем, нахлебником, "саранчой" в глазах других; каково не иметь право работать, когда ты можешь и хочешь, понимать, что ты должен, но не в силах защитить семью. Я хотела показать ту степень отчаянья, когда играешь в рулетку со статистикой и, не зная, выживут ли твои дети, все равно рискуешь; что такое повзрослеть насильно.

И если вы, хотя бы на секунду, по-настоящему, представите себя на месте героев, если вы, услышав о беженцах, почувствуете искреннее сочувствие и участие, значит, я справилась.

ПРОЛОГ

Небо было серое, тяжелое, оно грозно нависало над Нюрнбергом. Пробирало леденящим холодом, от которого не спасал ни свитер, ни батарея прямо у моих ног.

Я стоял у окна, разглядывая уже давно изученный пейзаж. Длинное четырехэтажное здание в виде двух квадратов и соединяющего их корпуса, как всегда было окружено парой обнаженных, кривых деревьев. Неприметное, коричневое, с белыми окнами и шатровой крышей, федеральное ведомство по делам миграции и беженцев, где я работал, вызывало во мне откровенную скуку. Из моего кабинета был виден противоположный корпус. Я мог наблюдать за

входящими и выходящими из здания. Последнее время не обходилось без длинной очереди у входа. Каждый день, вот уже полтора года, с самого утра и до последней минуты, ведомство было наполнено сбежавшими от войны арабами.

С этими беженцами работы стало непосильно много, подумал я. Несчастливые лица сменялись одно за другим, их слезы, молитвы и разбившиеся надежды не вызывали во мне ничего кроме скуки и усталости. Когда же все это закончится? Впервые я начал задумываться о том, что не люблю свою работу.

Этим утром я поссорился с женой из-за разбитого торшера. Невидящими глазами глядя на толпу беженцев внизу, я обдумывал, где можно купить новую лампу.

В кабинет зашел переводчик, развалился на стуле и недовольно выдохнул.

– В отпуск поскорее бы, – раздраженно сказал он. – Сейчас должна придти?

– Да, – ответил я, повернувшись. Я окинул взглядом стол, разобрал пару бумаг и сел в кресло.

– Ральф, не знаешь, где можно купить торшер? – доставая анкету беженки, спросил я.

– Вроде бы неподалеку видел, на Франкенштрассе, – ответил он, подходя к окну. —Магазинчик такой неприметный, там люстры всякие, занавески. Смотри, снег пошел.

– Поскорее бы домой, – не оборачиваясь, обреченно сказал я.

В кабинет зашла девушка среднего роста, в платке, мешковатом растянутом свитере и в джинсах. Платок на ее голове чуть сполз, и она сняла его легким движением, будто он был для нее простым аксессуаром. Ее темно-русые, почти каштановые волосы, завивались на кончиках и доставали до поясницы.

– Джанан Аббас? – спросил я, отодвинув бумаги и указав на стул напротив себя. – Присаживайтесь. Вы понимаете по-немецки?

– Немного, – она замолкла, видимо смутившись своего хриплого от нервов голоса.

Я подождал пока девушка сядет и снова заговорил:

– Меня зовут Николас Хартманн. Господин Вагнер будет переводить все, что вы скажите. Вы понимаете, что я говорю?

– Да.

У нее были плавные, грациозные движения. В ней уже угадывалась женщина, хоть она и была все еще не вполне развита. Я взглянул в анкету. Джанан Аббас выглядела ровно настолько, сколько ей было – восемнадцать лет. Чистое от косметики лицо, и одежда, скрывающая все формы молодого тела, – она была лишена всякой искусственности и развратности.

Джанан Аббас вела себя так, словно осознавала свою привлекательность, но относилась к ней с пренебрежением. Мне показалось, что если бы она была некрасива, то вела бы себя так же спокойно и уверенно. Прошлые беженки, особенно ее возраста, казались оробелыми, присмирившими овечками, загнанными волком в тупик, но она не выглядела испуганной.

Некоторое время я молча перелистывал бумаги с ее анкетой, сведениями о здоровье, о семье и прочем. Вагнер стоял позади меня, глядя в окно. Я обернулся к нему и заметил его скучающее выражение лица. Ему хотелось сбежать отсюда не меньше моего.

– При регистрации вы сказали, что хотели бы остаться в Нюрнберге. У вас здесь родственники? – чуть погодя, спросил я. Джанан Аббас взглянула на меня потерянно и даже немного глуповато и качнула головой, улыбнувшись. Она не поняла вопроса.

– Ральф, – Вагнер повернул голову, отозвавшись. – Спроси ее насчет родственников в Нюрнберге.

– Да, здесь живет мой дядя, – ответила девушка после объяснения.

Я включил диктофон. Джанан нахмурилась, внимательно его разглядывая, но ничего не сказала.

– Все ваши слова будут записаны на диктофон и внесены в протокол. Прежде чем начать, необходимо уточнить пару деталей.

Джанан сидела ровно, скрепив перед собой руки в замок, и смотрела прямо в глаза. У нее была добрая, искренняя улыбка, хотя и немного нервная, но острый, даже неприятный в своей пронизательности взгляд. Сначала было неясно, что же мне не понравилось в нем, но скоро я понял, что взгляд этот был слишком осознанным, слишком холодным и взрослым для такой юной девушки.

Очень быстро я осознал, что эта беженка мне совсем не нравится, и что рядом с ней я напряжен.

Мне вдруг захотелось поскорее отделаться от нее, и я быстро проговорил все нюансы нашего сегодняшнего собеседования. Скучные формальности, вошедшие в привычку, заученные фразы, повторяемые каждый день. Вагнер, не задумываясь, переводил сказанное мною, точно зная наперед, что я скажу и спрошу.

Я догадывался, о чем думала эта девушка. Вероятно, сколько обездоленных, отчужденных беженцев прошло через нас, скольких мы лишили последней надежды, и будет ли она одной из них. Вполне возможно, что будет.

Я взглянул на часы. Еще шесть часов работы, невероятно!

Передернув плечами от раздражения, я спросил у беженки:

– Пока у вас нет вопросов?

Она едва заметно качнула головой. Никаких вопросов, отлично. Я опрокинулся на спинку кресла и больше не смотрел на бумаги, а был полностью сосредоточен на беженке.

Джанан Аббас ответила на мой взгляд грустной, понимающей улыбкой.

– Она знает, что мне плевать, – догадался я. – Может, поэтому так спокойна. В моих руках ее будущее, но, наверняка, ей уже нечего терять.

– Что ж, – выпрямившись, выдохнул я, – можем начать.

Джанан кивнула, будто все это время ждала, когда я буду готов к ее рассказу; прокашлялась, пытаясь привести голос в порядок, и заговорила.

ГЛАВА I

Алеппо

До войны мы с семьей жили в Алеппо. В крупнейшем городе Сирии, в самом сердце исламской культуры. В детстве бабушка говорила мне, что в Алеппо заключена история всего мира.

Когда я была маленькая, у меня была привычка сидеть на подоконнике и смотреть в окно. Смотреть, как солнце прячется за башней Баб Эль-Фарадж, верхушку которой мне было видно, как медленно покачиваются кроны пальм, как постепенно, к вечеру, Алеппо загорается зелеными, желтыми, красными огнями, словно бы город наряжают к какому-нибудь празднику.

До войны Алеппо было пропитано не кровью, а умиротворением. Здания, дышащие многовековой историей, придавали городу мудрость. Даже воздух здесь был не воздухом, а волшебным дыханием вселенной.

Я любила этот город. Любила его узкие улочки, пористые стены домов, об которые не раз царапалась, его белоснежный облик.

Мне нравилось ходить с мамой на рынок Сук Аль-Мадина, неспешно прохаживаться мимо магазинчиков, иногда останавливаться, чтобы рассмотреть все многообразие выбора. Длинный крытый рынок в детстве представлялся мне убежищем, местом, куда не проникнет ни дождь, ни враг, ни несчастье. Словно сам Аллах спустил туда свои сокровища, словно от вездесущего ливня все краски мира стекли в эти магазинчики, набитые одеждой, украшени-

ями, чайничками и позолоченными тарелочками. Все здесь сияло и искрило, и я чувствовала себя настоящей принцессой.

В своей любви к Алеппо я была похожа на собаку, до дрожи преданной хозяину. В этом городе мне виделось все чудесным и совершенным, какими кажутся друг другу влюбленные души.

Как-то раз, когда мне было десять лет, а моей сестре Иффе семь, бабушка отвела нас в мечеть Омейядов. Иффа капризничала: ей хотелось побегать, поиграть с другими детьми; полная энергии и сил она вырывалась из рук, кричала, топала ногами. Я едва замечала ее, прикованная взглядом к минарету, украшенному резными надписями и причудливым орнаментом.

Перед тем как зайти внутрь, бабушка велела нам разуться. Помню, какой горячей была каменная мостовая во дворе, и каким холодным был мраморный пол у самого входа. Он блестел на солнце, точно таявшая льдинка.

Внутри мечети было прохладно, но босые ноги совсем не мерзли из-за ковров. Сквозь разноцветные витражи проникало полуденное солнце, тут и там стояло множество перегорожек, разрисованных позолоченными узорами. Аркады, опирающиеся на колонны, завораживали, гипнотизировали.

Полумрак, шепот молитв, мимолетные вспышки от фотоаппаратов, спящие, читающие, перешептывающиеся люди, – все это вводило в транс, окрыляло, возвышало до небес, почти обожествляло каждого зашедшего в обитель Аллаха. Детским умом и сердцем я не осознавала испытываемые чувства, но сейчас я понимаю, что это был восторг, полное блаженство, практически нирвана. У нас это называют Фаной. На мгновение я растворилась в Аллахе и стала его частью.

Немного погодя, бабушка подвела нас к слепым старцам, дервишам. Они молча сидели на подушках и перебирали четки, белыми глазами уставившись куда-то вдаль. Вид стариков испугал нас с сестрой. Иффа заплакала, а я лишь замерла, с дрожащим нутром разглядывая дервишей. Бабушка подвела нас к одному из них, но Иффа вырвалась и спряталась за ближайшую колонну. Я осталась на месте, и тогда бабушка подтолкнула меня вперед и велела сесть на колени. Старец положил руку мне на голову, и она оказалась такой ледяной, что я задрожала. Душа продрогла, но тело пылало, и сердцебиение разрывало грудь.

У него было квадратное лицо с выступающими скулами, глаза маленькие, полуприкрытые, щеки обвислые, и рука его так тряслась, что чуть била меня по затылку. И все же, от него чувствовалась огромная сила, какой-то запас божественной энергии. Я затрепетала, чувствуя исступление вперемешку с детским ужасом. Он начал молиться, а я сидела, опустив голову, и вместе с ним шепотом повторяла слова. Три раза произнеся "Аллах Акбар", молитва была кончена. Бабушка заплатила ему тридцать лир, а потом купила нам с сестрой орехи в йогурте, и, изнеможенные от таких потрясений, мы пошли домой.

– Однажды и вы придете со своими внуками поглядеть на мечеть Омейядов, – сказала бабушка, когда мы уже оставили мечеть позади, и каждый наш последующий шаг отдалял от минарета, дервишей и от той необыкновенной атмосферы, какую я больше нигде не встречала. – А после ваши внуки придут со своими детьми или внуками и так еще сотни-сотни лет. Солнце погаснет, звезды померкнут, а мечеть все будет стоять, неподвластная времени. Помяните мое слово.

Я оглянулась и посмотрела на минарет, сверкнувший и на мгновение ослепивший меня. Величественный и прекрасный, казалось, он доставал до самых облаков.

Иногда мне кажется, более, чем в тот день, я не испытывала подобных эмоций и душевных смут.

Через неделю бабушка умерла. Иффа проплакала весь вечер, а я не проронила ни слезинки и только позже, разглядывая минарет мечети, внутри у меня просыпалась тоска по бабушке и спокойствие за ее душу.

Раньше Иффа любила часам к семи вечера уезжать кататься на велосипеде. Я не знаю, где она пропадала, но возвращалась она запыхавшаяся, с красными, разгоряченными щеками, с прилипшими прядями ко лбу и растрепанными волосами, и взгляд ее горел и всегда был задумчив. Иффа принимала душ и, даже не молясь перед сном, ложилась спать.

Она была ураганом: ее вещи, небрежно брошенные, всегда валялись на полу или у изголовья кровати; она ненавидела хиджабы, не любила молиться, пыталась одеваться как европейская девушка и постоянно учила английский и немецкий. Обычно полная энергии, иногда я замечала в ней упадок сил, и глаза ее тускнели и будто бы наполнялись слезами, но Иффа никогда со мной ничем не делилась. Она была груба и отчужденна по отношению ко мне и брату.

Мы с сестрой были не слишком близки. Я всегда к ней тянулась, к своей противоположности. Когда я находилась рядом с ней, во мне заполнялся какой-то недостающий пазл, жизнь начинала крутиться в бешеном, несвойственном мне ритме. Порой мне казалось, Иффе никто не нужен, но теперь я понимаю, что это не так. Наоборот, ей было невыносимо чувство одиночества, нахождение наедине с самой собой вызывало в ней тревогу. Иффа нуждалась в общении и друзьях так же, как я нуждалась в уединении. Она тянулась к людям, но они ее не принимали, отвергали с упреками и насмешками. Не раз бывало, когда нас приглашали на праздник, Иффа, с таким воодушевлением шедшая туда, в итоге оставалась в стороне. Я подходила к ней, желая составить компанию, но она неизменно отталкивала меня, отвечала раздраженно, будто бы это я была виновницей ее дурного характера, которого не выдерживал и не собирался терпеть ни один ее знакомый.

Война изменила Иффу больше всего и в то же время, она единственная осталась той же Иффой, что была раньше.

Моему младшему брату почти шесть лет. Его зовут Джундуб, но мы с папой зовем его Кузнечиком. У Джундуба большие зеленые глаза и черные волосы, пряди которых вечно спадают ему на лицо. У него открытый и любознательный взгляд, как и у всех детей, но постоянно поджатые дрожащие губы создают впечатление, будто он хочет расплакаться. Его рост едва достаёт мне до бедра, а походка напоминает воробья, быстро перебирающего лапками.

Каждый раз, когда я смотрю на него, во мне просыпается чувство болезненного умиления, словно бы его должны забрать у меня. Когда он смеется или, поборов стеснительность, начинает о чем-то щебетать, я сдерживаюсь, чтобы не стиснуть его в объятиях, целуя до тех пор, пока тот не начнет визжать и плакать.

Я не видела более доброго мальчика, чем Джундуб, но и не видела более ранимого, чем он. Джундуб – точно побитый и отверженный всеми щенок, до дрожи боящийся окружающего мира; доверчивый и в то же время нелюдимый, с опаской глядящий одинаково на руку, которая его кормит, и на руку, которая бьет. Он подолгу плачет, когда ударяется, и слишком остро воспринимает любые ссоры и крики.

Мама, бесконечно холодная и бесконечно взрывная женщина, отдала ему свою лучшую сторону, а нам с Иффой оставила все остальное. Джундуб был окружен ее лаской, терпением и вниманием, и он не понимал, почему мамин голос так менялся, когда она говорила с нами.

Осознание того, что она любит сына больше дочерей обижало и мучило Иффу. Может, поэтому Иффа будто бы не терпела брата, не обращая внимания на его слезы или желание поиграть; она нервничала, когда он пытался проявить к ней свою привязанность. Через время, смирившись с тем, что его любовь сестре не нужна, он прекратил к ней и вовсе подходить. Почти вздохнув от облегчения, Иффа перестала совсем обращать на него внимание.

На самом деле, мама любила нас всех, просто разной любовью, и любовь к Джундубу была для нее самой приятной. В отличие от нас, он нуждался в ней, нуждался не в трудную минуту, не вечером, когда дневные заботы оборачиваются в кошмары, а всегда.

Отчаянно пытающаяся найти теплые материнские чувства, и не находившая, Иффа тянулась к отцу, подобно заблудшему мотыльку, бьющемуся в фары машины.

У нее с папой была особенная связь: часто, полные каких-то потрясений, они сидели вдали от остальных и о чем-то восторженно разговаривали. Однако Иффа была слишком энергична, чтобы долго говорить об одной теме, и зачастую очень быстро теряла нить разговора. Это было видно по ее скучающему взгляду, коротким репликам, которыми она прерывала отца.

Настоящего собеседника он находил во мне: делясь опасениями и планами, он знал, что я всегда найду нужные слова, и говорил со мной на равных. Иффа ревновала, и ревность была такой жгучей, что доводила ее до слез. Когда отец подзывал меня в кабинет, и мы по часу болтали, когда доверял мне тайны и защищал от истерик Иффы, она в ярости выскакивала на улицу и уезжала кататься на велосипеде.

Иффа не понимала, что отец любил меня больше как друга, но не как дочь. Где-то в потаенных уголках моего эго, я чувствовала некоторую долю зависти и сожаления, что отец чуточку больше любит Иффу, а не меня. И все-таки, мне всегда было приятно наблюдать за их шутками и поддразниваниями, и кротостью Иффы, которую она проявляла только в общении с папой.

Родители никогда не признаются, что любят одного ребенка больше другого. А впрочем, их любовь нельзя измерить в объеме. К первенцу они испытывают мученическую любовь, словно бы это не их ребенок, а они сами, их лучшая часть. К последующим детям, и особенно к младшим, они проявляют остатки всех своих материнских и отцовских чувств, что в какой-то мере превосходит любовь к первенцу, но и уступает.

Они любят первого ребенка больше второго и второго больше первого.

Вспоминая прошлое, я вдруг поняла, что же двигало Иффу всю ее сознательную жизнь. Она внушила себе, что ее недостаточно любили, и делала все, чтобы любили еще меньше. Она тянулась к людям и боялась их, хотела родительской любви и презирала ее.

В нашей жизни все чувства и все события – противоречие. И если в них копаться, можно сойти с ума.

До войны я была счастлива, хоть и не отдавала себе в этом отчета. У нас были семейные ужины, дни совместной уборки, праздники, обычные будние и будние необыкновенные, когда ночью я не могла уснуть от переполняющих эмоций и воспоминаний. У нас были планы и надежды, и уверенность в завтрашнем дне. Каждое лето мы приезжали в Дамаск к бабушке, ходили в гости, были частью городской суматохи. Незаметно для себя и родителей мы росли, не зная настоящих горестей и не подозревая, что ждет впереди. Война казалась чем-то отдаленным, существующим только в книгах и в бегущих строках новостей.

Наша семья, как и тысячи других семей, жили в привычном для нас мирке, жили спокойно и умеренно, не совершая серьезных проступков, которые заслужили бы такое наказание. Иногда я со злостью думала, что решения других не должны влиять на жизни миллионов людей. Кто-то захотел крови, денег, воплощения корыстных целей, а из-за этого страдают и умирают дети. Дети чисты, поэтому Аллах забирает их первыми.

Осознание происходящего пришло не сразу. Словно снежный ком, война лишь со временем начала набирать обороты, вспыхивать и затихать то в одном районе, то в другом. На улицах появились вооруженные боевики, время от времени нападающие и убивающие, подобно набегам варваров на Рим. Казалось, ничего серьезного, но Рим пал от варваров, и Алеппо было суждено повторить его судьбу.

Сначала мне не было дело до каких-то там конфликтов. Я слышала лишь бесконечные разговоры и споры об этом, которые незаметно заменили все привычные темы для обсуждения. К нам все чаще заглядывал сосед, и они с отцом садились в зале и все говорили и говорили о повстанцах, революции, осадах городов. Мама велела нам не мешать им и уходила сама, давая мужчинам поговорить.

Первые неудобства мы почувствовали, когда отец запретил Иффе кататься по вечерам на велосипеде, а мне одной идти на рынок. Он знал, что я люблю ходить туда в одиночестве, а Иффа, годами повторяющая этот ритуал, не может уснуть без прогулки, и все же он запретил, и мы не смели ему перечить.

Война пришла незаметно, как приходит вор в чужой дом, между тем, жизнь в одночасье поменяла привычных ход. В одно утро, когда меня разбудил шум от вертолетов, все более и более усиливающийся, вызывающий тревогу и дискомфорт, какой приносит скрежет ногтей по доске, я вдруг поняла, что теперь будет только хуже.

Я подошла к окну и отдернула штору, и увидела, как где-то там, вдалеке, черный, густой дым поднимается и клубится, а вокруг него летит вертолет, чтобы затем улететь, точно оса, которую прогнали прочь.

– Мы что, умрем? – Джундуб сидел на кровати, сжавшись комочком, и глядел на нас с Иффой своими большими, напуганными глазами, готовый вот-вот разреветься. Я подошла к нему, и он тут же прильнул ко мне в объятия.

– Может быть, – себе под нос сказала Иффа, но я расслышала. Испугавшись, что Джундуб тоже это услышал, я бросила на сестру гневный взгляд.

– Не смотри так на меня, – спокойно произнесла Иффа, снова взглянув в окно. Теперь я не видела ее лица из-за шторы.

– Мне третью ночь подряд снится один и тот же сон, – чуть помолчав, сказала Иффа. – Будто я стою на крыше здания и смотрю на руины. В них я не узнаю Алеппо, но откуда-то знаю, что это останки нашего города, – Иффа грустно вздохнула. – Я смотрела на обломки города и, вдруг услышав щелканье фотоаппаратов, обернулась. Позади была толпа европейцев. Они разглядывали то, что осталось от Алеппо, фотографировали, снимали на камеру, возмущались и плакали, сочувственно качая головой. Но стоило мне сделать шаг им навстречу, как откуда-то появился забор с колючей проволокой. Я схватилась за острые прутья, рыдая о помощи, – Иффа усмехнулась, будто сейчас, наяву, посчитала это глупым и бесполезным.

– А эта безликая толпа, – продолжила она с неприязнью к героям своего сна, – по другую сторону с жалостью смотрела на меня, но продолжала бездейственно наблюдать за моими истеричными попытками попасть на ту сторону забора.

Иффа взглянула на свои ладони, будто бы ожидая увидеть раны от колючей проволоки.

– Когда я сегодня проснулась, я подумала, что отныне ничего не будет как прежде. И мы больше никогда-никогда, Джанан, никогда, – ее голос дрогнул, словно она хотела заплакать, – больше никогда не будем так счастливы, как были до этого.

Иффа задрожала и обхватила себя руками. Джундуб подбежал к ней, чтобы обнять. Иффа опустила голову, недоуменно взглянув на голову брата, прижатую к ее талии.

– Папа защитит нас, – забормотал Джундуб, – папа нас спасет.

Иффа посмотрела на меня и улыбнулась. Я молча улыбнулась ей в ответ.

Неутихающая стрельба, сначала такая оглушительная и пугающая, со временем стала просто фоном, на который я едва обращала внимание. Вскоре за новостями начала следить уже вся семья, отец стал серьезнее и строже, еда становилась все скуднее, и ни о каких лиш-них расходах и речи быть не могло. Тихие беседы за дверью теперь заставляли нас с Иффой напряженно прислушиваться, точно от этих разговоров зависела наша дальнейшая судьба.

Как-то мимо дома проезжал танк, и этот лязгающий звук крутящихся металлических гусениц вызвал во мне такой ужас, что я замерла, ощущая ледяное дыхание смерти. Я вдруг всем существом прочувствовала, что за дверью живет смерть, что она настоящая, ее можно потрогать и можно призвать. И все же я тогда не знала, что такое война.

Мне сложно передать словами, что я чувствовала, проходя мимо разрушенных зданий, мимо изрешеченных стен от осколков снарядов и пуль; ощущая под ногами, как хрустит разбитое стекло; задыхаясь от вездесущей, поднявшейся пыли. Под ногами тут и там валялись булыжники, одежда и вещи, превратившиеся практически в ничто, торчащие отовсюду провода и железки, колеса, сломанные лестницы и жизни.

Видеть, как война разрушает твою Родину все равно, что видеть, как твой ребенок чувствует себя все хуже и хуже, а ты не можешь ему помочь, не можешь велеть болезни оставить его, и все что тебе остается делать – смотреть, как он умирает, и молиться о его спасении.

Может, поэтому мама стала молиться чаще и еще усердней, чем обычно. Она молилась иступленно, задыхаясь, то повышая голос от переполняющих ее эмоций, то понижая до еле слышимого шепота, и руки у нее тряслись, и голос дрожал, точно натянутая струна, готовая вот-вот оборваться.

Дальше становилось только хуже: танки обстреливали жилые дома, взрывали здания, больницы, школы; мятежники утаивали теракты, бесконечные боевые действия, разрушающие все вокруг, всю историю нашей страны. Мы обеднели, обессилили, увязшие в непрестанном страхе. Словно нищие попрошайки, становились в очередь за хлебом, за водой и другими припасами. И все-таки я еще не понимала, что такое война.

Мы с сестрой пошли на рынок Сук Аль-Мадина купить некоторые продукты на оставшиеся деньги. По пути нам навстречу бежали люди, толкая и будто бы не замечая нас. Казалось, мы идем на плывущий косяк рыб, испуганных сетью. В какой-то момент кто-то схватил меня за руку и тряхнул, вскричав от волнения:

– Куда вы идете? Совсем из ума выжили?

– Отпусти ее! – закричала в ответ Иффа, толкая незнакомца. – Мы идем на базар.

Тот в ответ лишь истерично рассмеялся, тряхнув головой.

– Сук Аль-Мадина больше нет. Только костер.

Он указал в сторону рынка, и мы увидели клубни дыма, вздымающиеся к небу, точно насмехаясь над Аллахом и его сокровищами, что горели в тот момент.

Словно зачарованная, я глядела на дымящийся рынок вдалеке и пыталась вспомнить резные деревянные фасады и идеально чистенькие каменные улицы, магазинчики наполненные тканями, сувенирами или продуктами, и толпу, вечно снующую туда-сюда в поисках лучшего выбора товара. Я пыталась вспомнить все это и не могла. Перед глазами стояли лишь руины, почерневшие от огня и закоптившиеся от пыли и дыма.

Казалось, это горит не рынок, существовавший еще со времен средневековья, это горит мое детство.

Я посмотрела на Иффу и удивилась, с каким ужасом и даже болью она наблюдала за угасающим пламенем, пожравшим все вокруг. Она никогда не любила это место и ненавидела ходить сюда за продуктами и вещами, и все же ей было нестерпимо видеть, как по крупичкам уничтожают душу нашего города.

До этого момента я была будто бы зрителем, не имеющим никакого отношения к происходящему, но ростки ненависти и глухая злоба, что зародились во мне тогда, сделали меня неотъемлемой частью войны.

Пожар на рынке был предисловием к целой истории прочих пожаров. Мятежники поджигали дома, и безжалостное ненасытное пламя, порожденное их фанатизмом, распространи-

лось по многим кварталам. Из райского места Алеппо превратился в пригород ада, где огонь сжигал последние надежды, обещая впереди лишь еще большие страдания.

Как-то вечером к нам зашел сосед, бледный и осунувшийся, постаревший за неделю на десятки лет. Срывающимся, но спокойным голосом он сказал, что его дочь лежит в госпитале в тяжелом состоянии: она находилась рядом, когда взорвали микроавтобус у больниц "Аль-Марказий" и "Аль-Хаят", и ее ранило осколками.

На следующий день мы с Иффой пошли навестить соседскую девочку.

– А нам обязательно к ней идти? Мы же ее почти не знаем! – расстроенная, спросила Иффа перед походом.

– Я сказала, обязательно, и это не обсуждается, – грозный тон мамы расстроил Иффу еще больше, и она вышла в коридор, ожидая меня.

– В это трудное для всех время нельзя забывать о простом человеческом сочувствии, – расстроенная не меньше Иффы, сказала мама, передавая фрукты и сладости для девочки. – Надеюсь, хоть ты понимаешь это, Джанан.

Я ждала, пока мама соберет все необходимое. Мне не хотелось идти, но еще больше не хотелось ругаться.

Мама взглянула на меня и покачала головой.

– Нельзя быть глухим к чужой беде. Когда-нибудь кто-то и о нас позаботится. Держи, – она передала мне корзинку и велела поторопиться к обеду.

Забавно то, что я даже не помню имя соседской девочки, но до мельчайших подробностей запомнила лицо.

Она лежала на койке, отвернув голову к стене, рука ее безвольно свисала с кровати, простынь смялась, одеяло, скомканное, валялось у ног. Когда мы зашли, она слегка повернула голову в нашу сторону и зашевелила пальцами на руке.

Грудь соседской девочки была забинтована, как и лодыжка и кисть левой руки. Девочка стонала и что-то шептала, но мы не могли разобрать слов. Она все дергала рукой, словно хотела поднять ее, но не имела сил.

У нее было желтоватое лицо, губы поджаты, будто в немом укор, глаза беспокойно бегали из одного угла в другой, но взгляд был бездумный и даже туповатый. Глядя на нее, я вдруг почувствовала неприязнь и непонятное мне неуважение к этой девочке: словно бы лежать здесь в такой позе и с таким выражением лица было унижительно.

Я отвернулась от нее и перестала пытаться расслышать, что та хочет нам сказать. Иффа же, напротив, выказывала участие и сочувствие этой несчастной, давала попить и терпеливо выслушивала ее тихие просьбы.

Когда мы уже собирались уходить, в коридоре началась беготня, засуетились врачи, и послышались короткие указания медсестрам. Очень скоро мы узнали, что произошел очередной теракт, и больница охвачена хаосом из-за прибывшего потока пострадавших.

Почти у самого выхода Иффа остановилась у одной из коек, что оставили прямо в коридоре от нехватки мест. Я сначала не поняла, что привлекло сестру, но потом увидела двух мальчиков: одному на вид было около восьми лет, другому – не больше шести.

Тот, что постарше, по шею был укутан в грубую холщовую, изначально белую, но посеревшую от пыли и грязи, простынь. Он был прижат к самой стене и совсем не шевелился. Сначала я подумала, что он спит, но потом догадалась, что мальчик мертв. Не знаю, как я это поняла. Что-то в его бесконечно умиротворенном лице было от куклы; словно воском залитое, оно не шевелилось, и кожа его казалась фарфоровой и такой хрупкой, что наверняка бы треснула от прикосновения.

Мальчик, что помладше, был весь в ранах и царапинах. Он лежал на спине и от малейшего движения начинал плакать. Бинты, которыми были перевязаны его раны при первой

помощи, пропитались кровью. У него дрожали губы, и глаза блестели от слез. В какой-то момент, мальчик будто что-то вспомнил и дернулся, тут же заскулив от боли; его рука начала что-то искать и не находить, и от волнения он стал чаще дышать и шевелить головой, не в силах повернуть ее нормально.

Мальчик продолжал как-то странно дергаться, пока ему не удалось повернуть голову к своему мертвому соседу. Тогда он замер и перестал плакать, и если бы не его рука, все еще тянувшаяся к другому мальчику, я бы решила, что он умер.

– Мне здесь страшно, братик, – тихо сказал малыш, словно опасаясь, что кто-нибудь посторонний услышит его. Он не оставлял попытку дотянуться до брата, и рука его все еще отчаянно цеплялась за простынь рядом с мертвецом, не обращавшим внимания на его попытки.

Мы с Иффой стояли и смотрели на них, не смея вмешаться. В какой-то момент мальчику удалось дотянуться до брата, и он заплакал от боли и снова зашептал:

– Мне здесь так страшно. Проснись, братик.

Он дергал за холщовую простынь, не понимая, что больше нет смысла пытаться того разбудить, что это уже не его брат лежит рядом с ним, а всего лишь одеревеневшая кукла, не способная ни защитить, ни утешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.